

Н. Натан

ФРЕСКА

Н. Натан

Фреска

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68774001

SelfPub; 2023

Аннотация

Совершая свой Путь, мы проходим сквозь множество миров и жизней. Наша жизнь в этом мире – лишь малая часть этого Пути. Ни одна встреча не случайна. Иногда мы мгновенно узнаем тех, с кем были связаны в прошлой жизни и будем связаны в будущей. Но в этом мире наши дороги пролегают раздельно. Можно ли не стать препятствием на Пути друг друга?

Н. Натан

Фреска

Пояснение: гриппозное фэнтези в картинках.

Как-то раз у меня было не совсем ясное сознание из-за температуры за 40 (настиг модный грипп). При этом довелось испытать довольно занятное и необычное состояние: вижу картинку, задаю вопросы и получаю в ответ очередную картинку: словно без особого интереса перехожу по гиперссылкам вперед-назад. Или словно вспоминаю отрывками не то кино, не то книгу.

Так и рассказываю.

Картинка первая.

Лагерь археологической экспедиции в некоей местности. Не особенно высоко в горах. Все пространство занимают руины колоссальных сооружений. Чтобы их возвести, когда-то срезали часть горы. Сейчас здесь сплошные завалы. Груды блоков и обломков. Очень светлый камень. На солнце почти ослепительный. Местами эти руины заросли плетистыми растениями.

Среди камней стоят полотняные палатки и сараи из грубых досок. Штабели ящиков, бочек, сундуков. Все вещи подняты сюда на лошадях; лошади в импровизированном загоне неподалеку. Видимо, лагерь только что поставлен. Лю-

ди ходят очень деловитые, таскают ящики, делают пометки на развёрнутых планах или картах.

По стилю – прошлый век, года 10-е –20-е. У подножия гор – довольно плоская обширная болотистая местность. Много зелени. Стаи птиц взлетают с болота и кружатся в небе.

Горы, окружающие бывший циклопический комплекс, все в рукотворных пещерах. Дырчатые, как сыр: следы святилищ, может быть, гробниц или жилых помещений.

Группа людей на площадке перед скалой на одном из таких склонов. Они собираются вскрывать запечатанное помещение.

Следующая картинка.

Пещера. Рукотворная. Ровные стены покрыты фресками. В большом помещении, кажется, были какие-то предметы, не то мебель, не то алтари или гробницы, но я на них не смотрю: все внимание на роспись стены...

Фреска одной из стен завораживает. Очень сложная. Она рассказывает какую-то историю, ключ к пониманию которой затерян в веках. Вроде иллюстрации к восточному эпосу, но строже. Многофигурная, чувствуется ритм. Стиль особенный, не индийский, не египетский. Элементы лиц, рук – словно их рисовал современный художник.

Лица на фреске разные, никакого стандарта, но все это вместе производит впечатление единого произведения. Глаза написаны отлично, реалистичные, никакой вам восточной декоративности. Краски яркие, но не режут глаз.

Кто ее нарисовал? Посмотреть бы как она создавалась.

Эта же пещера. Фреска сделана примерно наполовину, на стенах штукатурка, на ней процарапана разметка, у стены – леса из жердей, на них наверху работает женщина. Худая, жилистая, кудрявые темные длинные волосы. Не особенно молодая, не красавица, обычное лицо. Волосы закручены в жгут и завязаны платком. Ее рабочая одежда: штаны и длинная, за колено, рубаха – в пятнах краски.

На лесах поставлены две здоровенных глиняных емкости. Разложены черепки с красками и много кистей разных размеров. У кистей изогнутый ворс. У всех. Значит, не от работы, такие изначально. Видно, что рисовальщица четко знает, что надо делать. Движения точные. Рука твердая. Работает сосредоточенно. Останавливается редко.

Она спустилась, стоит рядом с лесами, смотрит вверх на законченный участок. Задумалась, крутит плетеный шнурок на шее: амулет у нее там. Собирает кисти, ножи, выходит.

Отрог с пещерой – недалеко от храмового комплекса. Мимо дороги к храму вниз, в долину ведет тропа. В долине у подножия гор еще нет болота, а есть река, довольно широкая. На обоих пологих берегах – большое поселение, домики, зелень. Висячие мостики перекинуты через многочисленные отводные каналы между возделанными полосами земли.

А что это вообще за место, что здесь?

С высоты птичьего полета открывается строгая структура огромного храмового комплекса: грунтовая дорога плав-

но поднимается вверх между карьерами, ведет к высоким воротам. Ворота сложены из того же белого камня. Они похожи на большой шатер с аркой. За этой аркой ворот начинается прямая, как стрела, вымощенная камнем, широкая дорога для церемоний.

С двух сторон церемониальной дороги – священные водоемы. На дороге и на широких ступенях, ведущих к воде – паломники в разноцветных одеждах. С высоты они – как подвижные цветные точки. Дорога упирается в белую площадь перед самой высокой центральной частью храма, примыкающего к гладкому известняковому склону.

Храм врезан в гору, продолжается далеко вглубь. Возможно, что вся гора изнутри – часть храма.

Иногда паломников так много, что цветная человеческая пыль закрывает белый цвет площади полностью, в ее движении становятся видны закономерности – она течет то быстрее, то медленнее, образует водовороты вокруг каких-то небольших сооружений (возможно, статуй богов) храмового двора.

В такие праздничные дни звуки священных гимнов можно услышать даже в горных монастырях близ вершин.

Обратно к рисовальнице.

Собирает кисти, инструменты, выходит. Идет по тропе вниз, но в долину не спускается.

Она живет на отшибе, в отдалении. Ее дом – небольшая рукотворная пещера в склоне холма – тоже известнякового.

Это место – выше домов общины, но ниже пещерных жилищ работников храмового комплекса.

Внутри прохладно, темновато. Пол застелен толстыми циновками, обстановка очень простая, но не без изящества. Этаким этно-бохо-стиль. Каменное ложе, на нем довольно толстый, чем-то набитый матрас, сверху застелено ярким тканым покрывалом. Подушки с орнаментом.

К пещере примыкает пристройка с очагом, на стенах этой пристройки – пучки трав, на полках – ряды глиняных горшков, миски, мешочки из ткани с чем-то сыпучим (крупы, возможно) и кое-где между всем этим рассованы выпуклые дощечки. Емкость для воды вкопана у стены снаружи, закрыта сверху крышкой из лозы.

Небольшой двор окружен плетеным забором, почти весь двор закрывает плетеный навес. Навес и забор зеленые – они густо оплетены местным вьюнком, вьюнок пополз выше на известняковый склон холма, резные листья колышутся от ветерка. Затененный двор используется как мастерская. Заставлен легкими конструкциями вроде стеллажей, на них черепки с красками, мельнички для пигментов, кисти, множество выпуклых деревянных дощечек с закругленными углами. Загрунтованы белым. Сушатся, наверное.

От калитки вниз открывается вид на реку и домики общины, рассыпанные по ее берегам. А если встать лицом ко входу и посмотреть вверх – за отрогом холма видны крыши храма и горы над ними.

Золотой блик горит на навершии центральной части храма – как ослепительная капля.

Почему она живет на отшибе?

Задолго до фрески. За много лет, может, за пятнадцать. Или двадцать...

Она только что здесь поселилась. Навес и забор пока не заплела зелень. Она только еще сажает эти растения во дворе.

Ее здесь сторонятся. Она чужачка, откуда-то очень изда- лека, и на местных не похожа. У местных , почти у всех – немного индейский типаж: лица удлинённые, волосы тем- ные, прямые. Она выделяется. Но ее не любят не из-за внеш- ности. Им общаться с ней тяжело, как с дикарем или сума- шедшим. Они чувствуют ее эмоции, даже когда она внешне их не показывает. Жители местных общин с раннего детства по несколько раз в день практикуют некие ритуалы (похожая на йогу смесь гимнастики, дыхательных упражнений и меди- тации). Эта гимнастика обычно выполняется на восходе или на закате, но четкого предписания, похоже, нет. От постоян- ной практики все люди здесь спортивные, даже пожилые в прекрасной форме. Местные умеют контролировать нечто в собственной психике, что не умеет она. Ее эмоции сдержан- ны только внешне...

Считается, что если ты повлияешь своей эмоцией на другого человека – можешь сбить его с некоего Пути, по ко- торому он идёт сквозь многие жизни. И ему придется сно-

ва повторить часть пройденного. В этой жизни или даже в следующей. Это верх неприличия, дикарство. Поэтому она почти всегда одна, только Наставница общается с ней.

Если она работает в храмовой мастерской – сидит в стороне на своей циновке, скрестив ноги. Расписывает саркофаг или полирует статуэтку из местного камня. Никто с ней не разговаривает, хотя между собой рисовальщицы щебечут, сидя за работой группами. Ест она тоже в стороне. Похоже, ее это не особенно беспокоит. Рисуя, она улыбается.

В этом мире общество структурировано в своеобразную кастовую систему, где каждый знает свое место на Пути, а она – вне этой системы. Или, скорее, в самом ее низу.

Картинка:

Мастерская при храме: длинное помещение с глиняным полом, решетчатыми стенами из жердей, крыша покрыта здоровенными сушеными листьями. Мастерских много. Женщины и мужчины работают раздельно, но в условиях труда и отношениях к ним со стороны жрецов разницы не видно. Наравне работают и на высоте, на лесах, рисуя фрески. Храмовый комплекс как целый город – мастерские, гостиницы, трапезные – все для паломников.

В мастерскую заглядывает Жрец.

Обычно это происходит, если Наставница Рисовальщицы куда-то уехала на время. (Частые паломничества по храмам, монастырям – это часть жизни. И важные события – рождение, смерть, брак, смена общины – непременно отмечаются

пребыванием в каком-нибудь святом месте. Монастыри тоже обмениваются делегациями).

Жрец иногда распределяет работы для рисовальщиков. Он важный, как большая шишка. Ходит со свитой. Кудрявую рисовальщицу терпеть не может и ведет себя с ней в стиле: «я большая начальственная задница». Подзывает небрежным жестом, не глядя на нее. Она бросает работу, подходит. Каждый раз он, даже не глядя в ее сторону, выставляет ладонь «близко не подходи», хотя она и так никогда близко не подходит. При этом он обычно разговаривает с кем-то из своей свиты, а она стоит, почтительно ждет, склонив голову. Потом он вспоминает о её существовании, снисходительно что-то ей вещает.

В результате таких бесед на следующий день Рисовальщица ползает на коленях перед стеной какой-нибудь храмовой пристройки, подправляет облезшую краску на сандалиях нарисованных божеств и подрисовывая цветочки и травинки у их ног. Или орнамент у основания колонн. Или полирует ажурную резьбу плинтуса, почти лежа на полу. И Жрецу непременно надо встать над ней, сделать ей замечание или выдать очередное ценное указание.

Но вполне возможно, он по-своему желает ей добра.

Он знает, что у нее фобия. Она панически боится высоты, не может даже перейти реку по мосту. Она могла бы писать фрески не хуже любого из рисовальщиков, но не может заставить себя влезть на леса. Жрец считает, что в Храме ей

не место. Если бы не Наставница, он давно бы ее выгнал и из храма, и из общины.

Жрица – Наставница Рисовальщице покровительствует. Она похожа на девушку, которую загримировали, чтобы сделать старше. Лицо в морщинках, которые кажутся нарисованными. Волосы серебряные. Движения молодые, грациозные. Дикость Рисовальщицы ее почему-то не шокирует. Наставница занимается с ней практикой (этими самыми ритуалами с дыханием и йогой). Учит собирать и использовать травы. Поручает роспись храмовых предметов. И если паломник заказывает в храме традиционный портрет, отправляет его обычно именно к ней.

Про традиционные портреты.

Почти в каждом жилище этого мира – выпуклые пластины с портретами домочадцев. Счастливые прекрасные лица смотрят с домашнего алтаря блестящими глазами.

Как правило, человек заказывает портрет храмовому рисовальщику в зените своей жизни. Обычно – перед заключением брака. Поэтому лица на портретах почти всегда молоды и прекрасны, в выражении их глаз – счастливая уверенность.

Когда же изображенный на портрете человек завершит свой отрезок Пути в этом мире, пластину с портретом положат ему на саркофаг. И блестящие глаза будут смотреть в вечность с той же счастливой уверенностью. Потому что жизнь в этом мире – всего лишь малая часть Пути, который неизбежно предстоит пройти каждому.

Выпуклые деревянные пластины в домашней мастерской Рисовальщицы – заготовки для таких портретов. Она очень любит рисовать лица и умеет передавать сходство. Многие издалека приезжают в Храм именно за ее работой. Поэтому Жрецу до сих пор не удалось ее выжить.

Краски – растертые минералы. Связующее – органический клей (вываривает шкурки с травами). Грунт на основе растертого белого камня. Он блестит, просвечивает сквозь красочные слои, создаёт эффект глубины.

Она в своем дворе-мастерской рисует молодую пару – по очереди. Работает быстро, уверенно. Мужчина смотрит через ее плечо – то на портрет своей женщины, то на оригинал, улыбается...

К пещерной фреске обратно.

Работать над фреской можно только в первой половине дня, а сейчас тень вот-вот достигнет входа. Тогда освещения станет недостаточно. Спускается с лесов. Смотрит на свою работу, крутит амулет. Собирает кисти, инструменты, выходит. Идет по тропе вниз, но в долину не спускается. Она живет на отшибе. К ее жилищу надо пройти мимо дороги к храму, но сейчас она сворачивает на эту дорогу.

С дороги вниз открывается вид на известняковый карьер, где когда-то добывали камень для храмовых построек. Карьер уже давно затоплен. Это излюбленное место для омовений и отдыха всей общины и паломников. Сейчас солнце стоит еще высоко и ступенчато-изрезанные склоны на свету

– ослепительно-белые, а тени в них-голубые.

В обширном водоеме с визгом резвятся дети. Брызги воды сверкают. Фигурки детей красно-коричневые. Вода бирюзовая на свету и темно-синяя в тени. Цвета насыщенные, как стеклянные эмали.

Рисовальщица сидит на большом камне у обочины, сумку с кистями положила рядом, заслоняется от солнца, любуется этой картиной.

Приближаются паломники. Некоторые из них прибыли по воздуху – воздушные течения меняются с высчитанной закономерностью и рейсовые дирижабли (здоровенные аппараты в виде продолговатых воздушных шаров с парусами) прибывают регулярно.

Разноцветная группа паломников. Изящно и просто одетые.

Про одежду.

Ткани почти невесомые, пропускают воздух. В здешнем теплом климате – то, что надо. Длинные, за колено, рубахи вышиты орнаментом у выреза и по рукавам. В местной моде многослойность: при этом стараются, чтобы вышивка нижней рубахи была видна в вырезе верхней. Штаны и рубахи носят и мужчины и женщины. У женщин, конечно, все поярче и позатейливей. На головы наматывают платки: одноцветные – мужчины, пестрые – женщины.

Среди паломников – группа бритоголовых мужчин – монахи и послушники. Монахи часто появляются на этой до-

роге – участвуют в церемониях, встречают прибывших кандидатов, иногда, как сейчас, сопровождают паломников. Как правило, местный храм для них – промежуточный пункт на пути дальше, в горы.

В окрестностях комплекса, в горах, много монастырских общин. Она часто видит белые точки на тонкой ниточке горной тропы – высоко, выше навершия Главного храма. Монахи носят белое – их штаны и рубахи без вышивок, сверху – кусок белой ткани, вроде широкого длинного шарфа, конец которого перекинут через плечо. Вот и эта группа наверняка потом поднимется в горы, посетив храм...

Группа в белом приближается.

Один из них, высокий, отделяется, идет к Рисовальщице. Она сначала его не замечает, а заметив – вскакивает, словно подброшенная пружиной. Пока мужчина подходит, она смотрит на него во все глаза, как на чудо природы и держится не то за сердце, не то за свой амулет.

У него привлекательная внешность: северный типаж, серьезное строгое лицо, серые глаза, девичьи ресницы. Тонкий шрам пересекает бровь. Красивые линии скул, рта, подбородка, широкие плечи – немножко откормить его и будет совсем хорош. Голова бритая, но череп красивой формы. Из местных аристократов. Такая внешность встречается у здешней высшей касты. Той, из которой выходят правители, духовные лидеры, высшие жрецы и настоятели монастырей – носители секретных знаний. Это действительно элита – ес-

ли уж родился в этой касте, значит в прежних жизнях ушёл по Пути далеко и спрос с тебя больше. С раннего детства аристократ в рамках жёсткой дисциплины: его учат, как будущего академика и муштруют, как спецназовца. Как окончательная шлифовка отпрыска высокого рода – отправка на годик – другой, (а то и на подольше) в один из горных монастырей, где его обучат властвовать, подчиняться, возможно, боевым искусствам, и кто знает чему еще... Возможно, не путать первое со вторым и третьим... Некоторые не возвращаются, остаются там. Это их Путь.

Мужчина подошел.

Стоят, смотрят друг на друга с пионерского расстояния. Мужчина касается ладонью лба между бровей, склоняется перед женщиной в глубоком церемонном поклоне, касается земли у ее сандалий. Женщина в ответ повторяет этот поклон, касается земли у ног мужчины.

Постояли, посмотрели друг на друга. Мужчина поворачивается и направляется к своим спутникам. (Монахи остановились, ждут его, невозмутимо наблюдая эту сцену). Удаляются к храму вслед за остальными паломниками.

Рисовальщица, застыв, смотрит вслед высокой белой фигуре, пока вся группа не скрывается в арке ворот. Мужчина не оборачивается.

Почему этот аристократ приветствовал ее так почтительно?

Ночь. Интерьер каменного строения. Похоже не то на

охотничий домик, не то на бывшее святилище, которое сделали жильем. Рельеф на каменной стене – очертания некоего божества, перед стеной – очаг. Отсветы огня на стенах, Рядом с очагом котелок. Он уже остывает.

Мужчина лежит на каменном ложе, накрытом грубой тканью. У него перелом: нога зафиксирована между двух палок. Ему, похоже, сильно досталось: рассечена бровь, ссадина на скуле, царапины на руках и на торсе. На боку ниже ребер – рваная рана. На коленях перед ложем стоит женщина и очищает эту рану от сгустков крови, мелких щепок и камешков.

Это Аристократ и Рисовальщица. Они намного моложе, чем при той церемонной встрече на дороге. У мужчины – густые русые волосы. Это идет ему куда больше, чем бритый череп. Рисовальщица промывает его рану чистой водой. На полу рядом – глиняные чаши с водой, она использует их по очереди. На расстеленном лоскуте – несколько инструментов, вроде тонких ножигов. Берет котелок: в нем нитки и кривая игла. Обжигаясь, достает. Зашивает рану, стягивая края. Оставляет часть раны посередине открытой.

Зачем она сделала так?

Несколько позже.

Мужчина лежит. У него лихорадка. Рана воспалилась, женщина ее промывает процеженным травяным отваром, гной выходит через оставленное отверстие. Она накладывает чистый тампон, делает перевязку. В котелке кипятятся полосы ткани. Эта ткань была раньше нижней рубахой Рисо-

вальщицы.

Где это они?

Вокруг низкого каменного здания святилища – деревья. Одно из них просто огромное, растет совсем рядом со строением. К ветвям дерева привязано множество маленьких тонких деревянных полосок не то с рисунками, не то с письменами. Почти все уже потемнели, изображения не различить. На ветру эти предметы странно шелестят – словно толпа людей одновременно говорит торопливым шепотом. Их когда-то оставили паломники.

Недалеко – ручей, который впадает в маленькую бухту. Это низменная часть небольшого острова, она обращена к середине большой реки, течение здесь кажется не очень быстрым, но напротив бухты видны водовороты.

Осыпи щебня и овраги отделяют низменную часть от скалистой. Ходить через них надо осторожно. Камень расслаивается, осыпается гранеными чешуйками, по которым скользит нога.

Высокая скалистая часть острова ближе к такому же высокому скалистому берегу реки, и даже соединена с ним висячим мостиком, словно из кошмаров Рисовальщицы. Течение в узком потоке с этой стороны острова – как в горной речке. Виды здесь напоминают пейзажи с японских гравюр – скальные уступы, на них кое-где кривые сосны. Корни сосен цепляются за выступы и трещины. Когда здесь туман – пейзаж становится монохромным, утонченным, совсем японским.

Откуда вообще взялся этот остров?

Много тысяч лет назад. Как в ускоренной съемке.

Остров был когда-то частью берега большой реки. Русло реки в этом месте поворачивало, образуя высокий каменный мыс. Река так широка, что противоположный пологий берег виднеется почти на горизонте.

В давние времена трещина отделила часть высокого берега, словно стремясь отрезать мыс и выровнять изгиб русла. Трещина расширяется, углубляется, становится оврагом, затем ущельем. Сосны стали расти на уступах этого ущелья, их корни вырастают в трещины.

Произошло землетрясение. Огромный каменный массив стал сползать вниз, ущелье раздвинулось. В него просочилась вода из основного русла сперва тонким ручьем, затем, стачивая и обрушивая скалистые стенки, понеслась бурным потоком.

За века скалистая стена наклонилась, остров чуть просел, зарос лесом, вокруг скал со стороны реки постепенно образовались низменные участки из песка и камней, принесенных весенними потоками. Материал добавляли и осыпи с высокой части острова. Эти участки в свою очередь осадила буйная растительность.

Остров располагался вдали от населенных мест, но когда-то его населяла целая монашеская община. Деревянные жилища монахов не сохранились, а каменное святилище в пологой части острова, между небольшими бухтами, оста-

лось. Оно изредка посещалось особенно упорными паломниками.

Иногда в нем на какой-то срок поселялся отшельник – настоятели монастырей время от времени давали подобные задания своим подопечным.

Попасть на Остров можно по всяческому мосту, перекинутому с высокого берега над бурным потоком. Мост соединяет две скалы, бывшие некогда единым целым. Но, похоже, давно никто не ходил по нему – плетеный мост кажется заброшенным.

Они-то как туда попали?

Падает дирижабль. Что-то произошло и он стремительно снижается. Оболочка сдувается, корзина ударилась о высокий берег реки. Две маленькие человеческие фигурки выпали в воду, течение унесло их. Падение продолжается, но удар немного развернул аппарат, его крутит, корзина болтается – еще два человека выпали из нее, но уже над островом. Одна фигура лежит на краю каменистой насыпи, вторая, упав на пологий склон, сползает в овраг. Канаты и сдувшаяся оболочка с парусами запутались в деревьях, корзина опрокинулась. Рисовальщица выползает из нее. У нее белое лицо. Кровь на щеке. Поднялась, стоит с видом человека, не понимающего на каком он свете.

Она же боится высоты, как она согласилась лететь?

Мастерская храмовых рисовальщиков. На полу и на циновках – солнечные зайчики в виде вытянутых ромбов –

солнце просвечивает сквозь скрещенные жерди и переплетения стен. Солнечное пятно горит на медной ступне статуи божества в углу. Из курильницы у медных ног поднимается тоненькая струйка ароматного дыма, завивается медленными кольцами.

Группы женщин, сидят дружескими кружками на больших циновках. Женщины заняты работой. Посередине каждой циновки – столбики из чаш, или ряды статуэток. Расписывая или полируя эти предметы, женщины негромко разговаривают, посмеиваются. Их фигуры в одеждах, украшенных орнаментом, живописно смотрятся на фоне золотистых циновок. Вспыхивает искрами то качающаяся серьга, то браслет на поднятой руке, попадая в луч света. Лица кажутся особенно загорелыми, глаза и волосы женщин – особенно темными.

Здесь красиво. Обстановка рабочая, хорошая. Они любят свое дело, верят, что оно – часть большого общего Пути.

Жрец беседует с парой паломников. Мужчина и женщина явно издалека – цвета и покрой их одежды отличаются от местных. Рисовальщица в некотором отдалении смиренно ждет, когда жрец выдаст ей свое ценное указание. Как обычно, подозвав ее и выставив ограничительную ладонь в ее направлении, он о ней словно забыл.

Она разглядывает пару, отмечая разрез глаз, форму бровей, очертания скул и подбородков, общее для обоих лиц выражение скрытой печали и решимости, складывает эту ин-

формацию в свою невидимую копилку образов. Если бы она не была здесь чужой, она определила бы, откуда именно эти люди по их одежде, орнаменту вышивки на ней. И она не смотрела бы на них так прямо и пристально, совершая очередной промах в глазах Жреца.

Не всегда модели традиционных портретов молоды и прекрасны. Иногда позируют и весьма пожилые люди. Ведь портрет может быть утрачен. И не всегда модель сама идет в дом к рисовальщику. Иногда храмовый рисовальщик идет в жилище к своей модели – ведь случается, что человек не в состоянии передвигаться. А еще бывает, что дело, приносящее чистую радость, вдруг обернется своей суровой изнанкой долга. Тогда перед рисовальщиком – мертвое детское личико, которое надо изобразить таким, каким оно было при жизни.

Жрец хмурится: явно не ожидал, что она согласится лететь с этой четой паломников, чтобы сделать портрет их умершей дочери. Он рассчитывал, что наконец нашел долгожданный повод удалить это подозрительное инородное существо из упорядоченного храмового мира. Он держит паузу. Рисовальщица стоит перед ним прямо, руки по швам, лицо бледное, еще раз кивает.

На следующий день.

Ранее утро. Каменистая площадка, от которой начинается дорога к храму, используется для посадки и высадки паломников. Здесь устроен каменный помост со ступенями, чтобы

удобнее было забираться в корзину. Дирижабль скоро взлетит.

Площадка еще в тени, которую отбрасывают горы. К полудню все пространство здесь станет белым и горячим от солнца. Аппарат уже готов, но паруса пока свернуты. Экипаж из двух человек помогает пассажирам сойти с помоста в корзину, а помощники из храмовых служителей готовы по их знаку отвязать причальные канаты.

Почти все пассажиры уже разместились внутри на откидных сиденьях, некоторые из них держатся за толстые веревки, прикрепленные вдоль бортов изнутри.

Подходит группа – Жрец с четой вчерашних визитеров. Видимо, они достаточно высоко стоят в здешней кастовой системе, так как он провожает их лично и беседует с ними любезно, совсем не так, как со своей свитой, и уж конечно, не так как с Рисовальщицей.

Она идет следом, соблюдая дистанцию, предписанную Жрецом. Она сейчас одета как местная жительница в праздник, а не так, как до сих пор – словно ей безразлично, что на ней, лишь бы чисто и удобно. Ее рубахи сочетаются по цветам (белая, голубая, глубокий индиго). Платок в тех же цветах на голове, из под него на спину свешиваются длинные волосы, обвитые синим шнуром. Даже большая сумка с ее инструментами, и широкая шаль – такого же синего цвета, как штаны и верхняя рубаха. Правда, в отличие от местных женщин, она совсем не носит украшения.

Зная, что предстоит тяжелое испытание, она подготовилась, как к бою. Идет, печатая шаг.

В последний момент все же теряет самоконтроль – не может войти в корзину. Видимо, мысль о том, что эта конструкция взлетит, вызывает приступ паники. Пассажиры изнутри и жрец снаружи смотрят на нее, как благовоспитанная дама на беспардонного нарушителя этикета. Член экипажа подталкивает ее совсем несильно, но она падает внутрь. Забивается в самый угол, полностью закутывает голову шалью и застывает там, вцепившись в стенки, делает медленные вдохи и выдохи. Окружающие стараются ее не замечать, ее спутники переглядываются с сомнением.

Аппарат плавно взлетает, паруса его расправляются. Выйдя из тени, аппарат вспыхивает на солнце. Поднимаясь все выше, становится похож на сказочную золотую птицу, к лапкам которой привязана маленькая прямоугольная корзина. Поймав парусами воздушный поток, удаляется, уменьшается. Даже странно, что в таком маленьком объекте так много настоящих, живых людей, один из которых сейчас в ужасе молится, чтобы этот полет быстрее закончился.

Позже.

Семейная гробница. Новая, пустая – всего один саркофаг. Саркофаг такой маленький, что это вызывает щемящее, тоскливое чувство. Хорошо, что крышка закрыла застывшее личико мертвой девочки. В крышку вставляют выпуклый щиток портрета – с него улыбается эта же девочка, но живая,

с розовыми щеками и глазами, как у ее матери – большими, янтарно-карими. Очень живой взгляд, хорошая работа.

Мать и отец стоят, смотрят. Касаются руками лба, саркофага, пола гробницы. Синхронно, как в танце. Лица строгие, серьезные. Не плачут.

Еще позже. Обратный рейс.

Она опять не может заставить себя войти. Член экипажа подает ей руку, тянет, она стоит, упирается. Внезапно прыгивает внутрь. Как и в прошлый раз, забивается в угол, закутывает голову шалью. Обвивает руки веревками, вцепляется в стенки, вдыхает – выдыхает.

Пассажиры прерывают беседу, смотрят в ее сторону. Пассажиров всего двое. Один, постарше, коренастый – в белой монашеской одежде. Второй, высокий – тот самый Аристократ.

Дальше

Полет, падение на остров. Рисовальщица выползает из опрокинутой корзины. У нее белое лицо. Кровь на щеке. Поднялась, стоит с видом человека, не понимающего на каком он свете.

Позже.

Поднимается по щебенке, шатается, подскользывается, падает, встает. Подходит к расprostертой фигуре монаха, хочет потрогать пульс у него на шее, но замечает, что у него размозжена голова; камни забрызганы содержимым его черепа.

Отходит в сторону, падает на колени, ее рвет, она плачет. Возвращается к монаху, все же проверяет пульс на его руке. Отпускает руку, рука падает, как деревянная. Пару минут стоит, качается. Осторожно разматывает его шарф. Обматывает этим шарфом его голову. По лицу ее текут слезы. Возвращается вниз, к месту крушения.

Позже. Ускоренно.

Лихорадочно работает: перетаскивает к святилищу из стенных сумок корзины аварийный запас. Распутала канаты, что не распутала – отрезала. Стянула с дерева лопнувшую оболочку аппарата, словно шкуру большого мертвого животного. При этом обломала несколько веток, часть оболочки не удалось стянуть, грубо обрезала, обрывки болтаются. Отрезает большие куски от оболочки и парусов, складывает их у святилища. Туда же веревки. Хочет успеть до темноты.

Позже. Почти вечер.

Опять поднимается к погибшему монаху, тащит веревки и куски оболочки аппарата (толстая ткань, чем-то пропитанная, очень плотная). Расстилает, перекачивает на ткань тело. Волоком перемещает к краю оврага. Овраг довольно глубокий, на его дне – слой почвы, заросший растительностью. На краю оврага Рисовальщица тщательно заворачивает тело в ткань оболочки, перевязывает веревками. Сверток напоминает мумию. Затем заворачивает его еще в один слой ткани, перевязывает. Ей тяжело, коченеющее тело надо перекачивать, подсовывать под него веревки, но она справля-

ется. Сталкивает вниз. Сверток падает, сползает по крутому склону, вызывает осыпи щебня. Они звонкие, почти музыкальные. Она не может стоять на краю оврага, для нее это слишком высоко. Заглядывает туда, стоя на коленях. Хватается за голову. Она увидела второго пассажира.

Позже. Сумерки.

Тот же овраг, но дальше от осыпи. Второй человек, к счастью, упал на пологий склон. В этом месте можно спуститься и подняться, хотя свернуть шею при этом тоже реально. Она карабкается, смотря только на склон и на свои руки. Лицо такое, словно готова заорать. Закрепившись, подтягивает веревки, перекинутые через дерево над склоном, изо всех сил тащит следом нечто, похожее на большой тук из той же оболочки. Там человек без сознания со сломанной ногой. Его перелом она зафиксировала еще в овраге. Переваливает свою ношу через край оврага. Сидит рядом, выравнивает дыхание. Дотаскивает его в помещение уже в темноте.

Позже.

Обрабатывает и зашивает его рану.

Утро. Следующий день. Или через день

Мужчина и женщина стоят в овраге над упакованным телом монаха. За плечом у женщины словно рукоятка меча, виднеется черенок небольшой лопаты. Несмотря на травмы, мужчина настоял на том, чтобы добраться сюда. Женщина была его костылем при пересечении щебенчатых откосов, а в овраг он спустился сам очень легко, по веревке, на руках.

Женщина смотрела на его ловкие движения с некоторой завистью – ей самой для спуска понадобилось куда больше времени и решимости. Внизу, правда, ей опять пришлось помогать ему передвигаться, но яму он копал сам, а она собирала и приносила камни.

Стоят над могильным холмом. Мужчина поет священный текст. Голос сильный, звучный. Затем они выполняют поклон, касаясь рукой лба, холма и земли рядом с ним. Это они делают так же торжественно и синхронно, как совсем недавно – родители умершей девочки.

Дальше. Позже.

В котелке булькает варево вроде каши, женщина добавляет туда вымытые листья. На стене у очага уже висят пучки трав, корешки – совсем как в ее доме. Она уходит их собирать по вечерам, когда мужчина выполняет свою ритуальную гимнастику и медитацию под священным деревом (насколько ему позволяют сломанная нога и незажившая рана).

Территория вокруг святилища выглядит почти обжитой. Мужчина соорудил место для костра, навес у входа, места для сидения. Вечером они сидят у огня, иногда смотрят на небо. Они надеются, что их ищут. Рисовальщица иногда думает, что перспектива очередного полета, возможно, не так уж и ужасна. Но небо пусто.

Мужчина передвигается, опираясь на палку, но ему еще не преодолеть без ее помощи осыпи щебня на пути к отхожему месту. Она сопровождает его через каменистые участ-

ки туда и обратно. Утром приносит ему воду для бритья. Делает перевязки. Он принимает эти услуги спокойно, без малейшего замешательства.

Дальше.

В маленькой бухте водится рыба и мужчина ловит ее. Он уже немного опирается на ногу в лубке. К готовке улова Рисовальщицу не допускает, готовит сам. После трапезы он каждый раз аккуратно заворачивает в большой лист плавники, кости и потроха рыбы, перевязывает этот сверток травинкой и закапывает его у корней одного из деревьев, пропев вполголоса некую ритуальную формулу. Женщина улыбается – она так и не привыкла к этому обряду.

Они оба сейчас похожи на бывалых туристов.

Дальше.

Мужчину лихорадит. Его рана, начавшая заживать, воспалилась. Рисовальщица ухаживает за ним. Промывает рану, перевязывает. Трогает пульс. Заставляет глотать теплое питье. Кладет ему на лоб лоскут, смоченный травяным отваром. Обтирает его влажной горячей тканью, укрывает своей шалью и куском паруса. Повторяет это много раз днем и ночью.

Через какое-то время он идет на поправку. Рана очистилась, краснота вокруг нее спала, зарастает нормально – почти затянулась тонкой розовой кожей. Он ослаб, но лихорадки уже нет.

Мужчина спит. Он похудел и осунулся, но от этого черты

его лица стали даже выразительнее, скульптурнее. Впадинки у висков и под скулами обозначились резче. Длинное, породистое лицо, высокий лоб, ресницы и брови – темные. Огнеты от огня на его лице. Золотистые блики на волосах. Он очень красив.

Рисовальщица, конечно, замечает эту красоту. Сделав перевязку, стоит на коленях рядом с ложем и смотрит на спящего мужчину.

Он наверняка уже попал в ее мысленное хранилище художественных образов. И занял там весьма достойное место.

А может, дело в чем-то совсем в другом – вот она протягивает руку, как будто хочет коснуться его волос, но тут же ее отдергивает.

В этот момент мужчина открывает глаза. Его ноздри вздрагивают. Он стремительно приподнимается, обхватывает ее, притягивает к себе и страстно целует. Она упирается в ложе руками, выгибается, уклоняясь от его лица, но вырваться не может – мужчина намного сильнее.

Внезапно она сама склоняется к его лицу и не то целует в щеку, не то шепчет что-то ему на ухо, и капкан его рук тут же размыкается. Руки безвольно падают, его голова снова надежно лежит на подушке. Лицо безмятежное. Он спит.

Она смотрит на него в смятении. Потрясена этой внезапной атакой. Прикасается пальцами к губам, словно проверяя, нет ли ожога.

На следующий день они ведут себя так, словно этого эпи-

зода не было.

Утром женщина посмотрела на мужчину с некоторой опаской, но он, похоже, действительно ничего не помнит. Он выглядит бодрым и выздоровевшим. Они вместе занимаются обычными хозяйственными делами и напряженности между ними не видно. Кажется, что ничего не изменилось.

Однако когда настает время практики и Рисовальщица собирается, как обычно, удалиться – мужчина делает ей приглашающий жест, предлагая разделить с ним это занятие. Она колеблется, мужчина серьезно на нее смотрит, ждет.

Она принимает приглашение. Они садятся на один кусок ткани под деревом спиной друг к другу, выполняют дыхательные упражнения. Встают. Выполняют асаны. Это похоже на медленный странный танец. Они не видят друг друга, но их движения почти одновременны. У мужчины – отточенные, сдержанные. Женщина значительно уступает ему – видна ее напряженность и некоторая неловкость, но и в этом тоже есть своя грация.

Заходящее солнце освещает практикующих, превращая их в бронзовые скульптуры.

Это красивая картина.

Дальше. В другой день.

Работают. Совместно сооружают новое отхожее место. Старое, выкопанное женщиной в первые дни, уже утилизировано по всем правилам, засыпано золой. Женщина подает мужчине жерди от корзины, он их обрезает до нужной дли-

ны, обстругивает, чтобы сделать помост над новой ямой. Даже в изрядно потрепанной, заштопанной одежде, с отросшей густой шевелюрой мужчина выглядит изящным и утонченным. У него красивые, крупные кисти рук, ловкие длинные пальцы. Такие руки могут быть и у воина, и у музыканта. Работает сосредоточенно, неспешно. Его точные движения сейчас похожи на движения будущей Рисовальщицы у фрески, хоть занятия эти абсолютно разные.

Женщина смотрит на него и вдруг начинает давиться смехом. Он поднимает на нее серьезные серые глаза. Она делает ему жест: «даже и не проси объяснить». Вскрывает, убегает, чтобы не смущать его своим хохотом.

Он смотрит ей вслед все так же невозмутимо, неожиданно улыбается.

Перестает улыбаться. Возвращается к работе.

Дальше.

Они теперь каждый вечер практикуют вместе и Рисовальщица неплохо продвинулась. Конечно, ей все еще очень далеко до экономной размеренности и силы движений Аристократа, но видно, что ей нравится это занятие. Он ведет – она следует за ним. Танец на закате повторяется все более точный и красивый. А когда они медитируют, спина к спине, она уже легко сохраняет полную неподвижность.

Дальше.

Они понимают, что их не ищут и надо выбираться самим. Нога мужчины зажала и он тренирует ее, совершая вылазки

в скалистую часть острова.

Дальше. Позже. Утро.

Они почти на вершине. Над ними – скальные зубцы и несколько сосен. Перед ними от небольшой каменной площадки начинается висячий мост. Полотно моста довольно широкое, но просветы между жердинами и плетеными ячейками полотна пугающе неравномерные, а веревки и узлы кое-где разлохмачены. Мужчина стоит, а Рисовальщица почти лежит у его ног, вцепившись в скалу. Рядом с ней – самодельные сумки из парусины. Перед ней – мост из ее страшных снов. Когда они поднимались сюда, она шла позади мужчины бледная, решительная, смотрела только на то место, куда он ступал и старалась идти след в след.

Мужчина смог натянуть над мостом веревку – несколько раз раскручивал и бросал, пока конец веревки с металлическими крючками на конце надежно не обвился вокруг дерева над мостом на противоположной стороне. Он проверяет веревку, закрепляет ее второй конец. Теперь можно идти.

Женщина паникует. Она не может встать. Лежит с закутанной головой, всхлипывает, пытается контролировать дыхание.

Дальше.

Мужчина идет по мосту, держась за верхнюю веревку. Проверяет мост. Он осторожен: шаг, правая рука крепко держит веревку, левая перехватывает ее немного дальше, еще шаг, левая держит, правая перехватывает. Мост и верев-

ка качаются немного вразнобой, мужчина улавливает этот ритм, приспосабливается к нему. Его движения – скользящие, похожие не то на танец, не то на поступь хищника на охоте.

На верхнюю веревку надето гладкое металлическое кольцо, в которое продета еще одна, страховочная: ею мужчина обвязан, она же обвита вокруг сосны над площадкой, а конец этой страховки – в руках Рисовальщицы. Она осторожно стравливает эту веревку по мере его продвижения. Она все еще не может встать – сидит, вжавшись спиной в камень. Если мост не выдержит – мужчина повиснет на верхней веревке и она его постепенно подтянет обратно. Он не особенно нуждается в этой страховке. Возможно, что это его психологический трюк, чтобы вынудить женщину взять себя в руки.

Мост проверен, мужчина возвращается, забирает дорожную кладь и тщательно, словно бывалый альпинист, делает страховочную обвязку Рисовальщице.

Дальше. Переход.

Мужчина и женщина по разные стороны моста. Она уже стоит на площадке во весь рост, но ступить на зыбкое полотно над шумным потоком не в силах. Похоже, эта нерешительность продолжается уже довольно долго. Ситуация осложняется: появляются волокна тумана. Пока они совсем редкие и прозрачные.

Женщина начинает смеяться, сгибается от хохота. Мужская фигура не двигается. Он невозмутимо ждет. Приступ

смеха закончился. Мужчина на противоположной стороне протягивает в ее сторону руку ладонью вверх – словно торжественно приглашая к танцу. Этот жест – полный антипод жесту Жреца.

И Рисовальщица ему подчиняется. Встает на самый край. Вцепляется в веревки так, что белеют костяшки. Ступает на мост. Ощущает ритм его колебаний. Идет очень медленно, не отрывая глаз от фигуры на противоположном конце. Теперь уже он страхует ее, подтягивая по мере ее приближения страховочный конец. Время от времени мужскую фигуру заслоняют волны тумана, тогда женщине кажется, что конец моста становится все дальше. Почти на середине мост окутывает туманное облако. Начало и конец пути исчезают. Мир кажется нереальным. Колебания моста здесь сильнее всего. Шум потока под ногами оглушает. Женщина застывает. Ее руки словно выросли в веревки. Она чувствует, что страховка чуть заметно шевельнулась – так он подбадривает ее.

Рисовальщица выходит из оцепенения и улыбается. Она поняла, что мужчина в любую минуту может притянуть ее за страховочный конец: кольцо скользнет по верхней верёвке, она пролетит остаток пути, сидя в обвязке как на качелях. Короткие мгновения ужаса – и твердая почва под ногами.

Но все же он терпеливо ждет, чтобы она прошла сама.

И она идет. Туман рассеивается. Мужская фигура снова видна. Высота и грохочущий поток никуда не делись, но женщина уже свободна. Страх есть, но он больше ее не ослепля-

ет. Она идет почти так же ловко, как и он.

Когда она делает последние шаги по мосту, мужчина подает ей руку – тем же торжественным танцевальным движением, раскрытой ладонью вверх.

И ослепительно ей улыбается.

Дальше. Позже.

Лесная поляна. Сидят у костра под навесом из валежника и парусины.

Позже. Другой день.

Местность уже другая. Берег реки. Мужчина и женщина выглядят, как хиппи. Золотистые волосы мужчины, отросшие почти до лопаток, стянуты в хвост. Садятся спина к спине. Практика на закате.

Еще позже. Перевал.

Окрестности Храмового комплекса. Здания, дорога, водоемы и площадь – внизу как на ладони. Все пространство заполнено людьми – цветными точками. Много паломников, видимо, праздник.

Развилка: одна тропа ведет вниз, к храмам, реке, долине – в мир Рисовальщицы. Другая в горы – та самая тропа монахов.

Прощание.

Мужчина и женщина, одетые как оборванцы, худые и жилистые как аскеты, стоят друг напротив друга на этой развилке. Мужчина снимает с шеи свой амулет на плетеном шнурке и вешает его на шею женщины. Когда подвеска скользит

в вырез ее рубахи, женщина вздрагивает.

Он проводит ладонью по ее волосам – заправляет кудрявый локон за ухо, потом наклоняется и целует женщину легким прикосновением.

Это выглядит очень странно: при этом он ее не обнимает, оба сохраняют расстояние и держат руки по швам. Хотя нет, Рисовальщица руки заводит за спину и сжимает в кулаки так, что белеют пальцы и ногти врезаются в ладони.

Она боится это расстояние не сохранить.

Он поднимается по тропе. Она стоит на развилке, смотрит ему вслед, пока его фигура не становится совсем маленькой, скрывается за уступом. Он не оборачивается.

Она прикасается не то к сердцу, не то к его амулету и начинает спуск к Храму.

Немного позже.

Храмовый комплекс заполнен людьми. Это не паломники, это беженцы. Бедствие случилось в городе, где она рисовала портрет мертвой девочки и откуда вылетел злосчастный дирижабль, завершивший свой полет на Острове.

Поэтому их никто и не искал.

Позже.

Территория Храма, около мастерской. Наставница, Рисовальщица, Жрец.

Жрец категорически возражает против возвращения Рисовальщицы после столь длительного отсутствия. Он только что выдвинул некое условие и уверен, что оно не испол-

нимо. Наставница пытается возражать, но долгий прогул ее подопечной усилил его позицию в этом давнем споре.

Рисовальщица почтительно стоит в отдалении.

Ей есть что сказать, но она должна терпеливо ждать решения своей судьбы.

Они поворачиваются к ней. Жрец как обычно подзывает, останавливает, и выставляет ультиматум. Рисовальщица выражает согласие, Наставница недоверчиво переспрашивает, снова получает утвердительный ответ. Да, она будет работать наверху.

В этот же день Рисовальщица стоит на лесах в помещении трапезной, на самой высоте. Потолок почти касается ее макушки. Она выводит на потолке орнамент. Жрец и Наставница удивлённо наблюдали за тем, как она поднималась туда: легко, ловко. Ее движения в этот момент напоминали движения Аристократа. Наверху, прежде чем начать, она застыла, как перед мостом над пропастью. Вытянула вперед руку ладонью вверх, словно приглашая на танец кого-то невидимого.

Этот жест она повторяет теперь всякий раз, приступая к работе. Это ее собственный ритуал.

Значительно позже. Несколько лет спустя.

Скальная площадка. Знакомая пещера. Фрески еще нет, нет даже разметки. Но стены уже подготовлены. Стоят леса, разложены инструменты.

Наставница, Жрец, Рисовальщица.

Жрец и Наставница уходят, Рисовальщица остается. Ходит вдоль стен, трогает их.

Она только что получила собственный проект – и в исполнении заданной темы совершенно свободна. Оглядывает пустое белое, ждущее красок пространство. Крутит шнурок амулета, подаренного мужчиной. Протягивает руку невидимому партнеру своего странного танца. Приступает к разметке стены.

Она счастлива.

Вечер. Высоко в горах, над храмовым комплексом.

Горный монастырь, белая каменная площадка для практики, отполированная за множество лет почти до блеска бесчисленными прикосновениями. Аристократ в белом монашеском одеянии выполняет асаны. Точно, красиво – словно перетекает из одной в другую. Выполнив комплекс, садится, медитирует.

В те же самые мгновения далеко внизу, у подножия гор тот же танец выполняет Рисовальщица, освещённая тем же закатом. Они не видят друг друга, но их движения синхронны, словно они слышат одну мелодию.

Это повторяется каждый вечер. И ещё множество закатов освещает этот танец, пока его участники не завершают свою часть Пути в этом мире.

Некая местность. Археологическая экспедиция.

В пещере штативы, на них устанавливают фотоаппараты архаичного типа, с «гармошками».

Фреска одной из стен напоминает иллюстрацию к какому-то восточному эпосу, очень сложная, многофигурная. Фигуры большие и совсем маленькие. Но все они важны. Ни одна не может быть лишней или случайной, так как на Пути не бывает случайных встреч. Эти фигуры сплетаются словно в странном танце и рассказывают свою историю. Глаза написаны удивительно – никакой восточной декоративности, реальные, живые.

Вспышка магния – и на стеклянной пластинке запечатлена часть фрески. На этом фрагменте – Дарующая Путь и Дарующий Препятствие. Они всегда изображаются вместе, ведь без препятствий нет Пути.

У Дарующей Путь – лицо молодой девушки, на котором нарисованы морщины.

Дарующий Препятствие делает жест, словно запрещая подходить ближе.

Вспышка.

Лицо маленькой девочки, лицо монаха, похороненного на Острове – это Те, кто дарует Знаки.

Фигуры мужчин и женщин – обитателей общины – черноволосых людей, немного похожих на индейцев. Храмовые рисовальщицы в пестрых одеждах, длинных серьгах, жрецы, торговцы, паломники. Лицо печальной женщины с янтарно-карими глазами, лицо ее мужа.

Вспышка.

Фигура мужчины – это Тот, Кто Ведёт. Строгое лицо, се-

рые глаза. Он протягивает руку ладонью вверх.

Торжественный жест, словно приглашающий на странный танец.